

ЛИКИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»*А. А. Шайкин*

Имя князя Ярослава Владимировича, получившего впоследствии прозвище Мудрого, кроме русских летописей, знают арабские авторы, скандинавские саги, польская историография, начиная с Галла Анонима и Винцентия Кадлубека, знает немецкий хронист Титмар Мерзебургский. В совокупности фрагменты этих источников образуют некий «Ярославов текст», который в перспективе может быть рассмотрен как таковой.

В общекультурной традиции образ Ярослава Мудрого имеет черты князя-просветителя, строителя, церковного радателя и в то же время сильного государя. Титмар называет его королём, русские авторы могут титуловать Ярослава титулом владык Хазарии — каганом. В аутентичных источниках Ярослав — достойный продолжатель дела своего отца, равноапостольного князя Владимира. Он замыкает череду полновластных правителей — «первых князей» — раннего русского государства. «Лета Ярослава» воспринимались уже ближними потомками как определённая веха в истории Руси¹.

В статье ПВЛ 1037 г. Ярослав, подобно мифологическому первопредку — устройтелю жизни, совершает демиургические акты: закладывает «городъ великий», устраивает в нём «Златые врата», основывает церковь «святых Софья» — «митрополю», насыщает Киев иными церквами и монастырями: «и посемь церковь на Золотыхъ вѣротахъ святыхъ Богородица Благовѣщенье, посемь святого Георгия монастырь и святыхъ Иринея»². Это не просто строительство, это со-творение новой жизни: «И при семь нача вѣра хрестьяньска плодитися и раширяти, и черноризьци почаша множитися, и монастыреве починаху быти»³. Хотя мир в его иной структуре существовал и раньше, герой изменяет мир. К такому правителю-устройтелю возможно только одно отношение — почитания, преклонения, пиетета.

Но всегда ли Ярослав изображается в таком возвышенном ракурсе? В 1016 г. Ярослав выступил против Святополка, захватившего по смерти Владимира киевский стол и начавшего «избивать» своих братьев. У Любеча под Киевом противники встретились. Воевода Святополка⁴, разъезжая по берегу Днепра, оскорбляет новгородцев и их князя: «Что придосте с хромьцемь симь, а вы плотници суще? А приставимь вы хоромовъ рубити нашихъ» (С. 96). Киевляне грозятся заставить новгородцев и их князя Ярослава «рубить» для них хоромы (тут, впрочем, есть какая-то словесная игра: хромець — хоромове, предлагалось даже читать не «хромьцемь», а «хоромьцемь»⁵, однако Ярослав действительно был хром⁶). Будущего строителя величественного Киева издевательски оскорбляют и намереваются пристроить подневольным работником — статус, не подходящий для демиурга.

Если бы это было одноразовое «снижение» высокого облика персонажа, им можно было бы пренебречь, однако сочетания «высокого» и «низкого» в изображении Ярослава систематичны. Так, с одной стороны, Владимир, Ярослав и их благодарные потомки (=«мы» летописца) — это единая неразрывная цепь христианизации Руси, при этом Ярослав оказывается её центральным звеном: «Отець бо сего (Ярослава. — *А. Ш.*) Володимеръ *землю* взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ. Съ (Ярослав. — *А. Ш.*) же насъя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей; а мы пожинаемъ, ученье приемлюще книжное» (С. 102). Так же осмысливал и изображал эту пару современник Ярослава Иларион⁷. Однако под 1014 г. читаем в ПВЛ: «И рече Володимеръ: “Требите путь и мостите мость”, — хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего...» (С. 89). Причина гнева Владимира серьёзная: Ярослав, будучи новгородским князем, отказался платить Киеву урочное обложение — «двѣ тысячѣ гривень».

Как сочетать эти два облика Ярослава? С одной стороны, он достойный продолжатель равноапостольного подвига своего отца Владимира, крестившего Русь, а с другой — готов выступить против отца с оружием, для чего пригласил в Новгород варягов.

Варяги, заскучав без дела (Владимир разболелся, и поход не состоялся), начали насиловать жён новгородских. Новгородцы не захотели терпеть насилия и «избиша варягы во дворѣ Поромони». Ярослав взял сторону варягов, коварно заманил «нарочитыхъ» новгородцев в своё княжеское поселение, где их иссекли (С. 95). Князь, избивающий своих ради чужих, — фигура сомнительная.

В некоем антиномическом сцеплении с Ярославом — церковным строителем — находится и внешне бесстрастная статья 1017 г.: «Ярославъ иде в Киевъ, и погорѣ церкви». Казалось бы, это не больше, чем фиксация события. Взятое само по себе, это свидетельство может быть истолковано как случайное совпадение двух разнородных событий, сопряжённых через летописное «и», которое очень часто означает лишь временную последовательность. Но это не изолированный факт. В контексте многочисленных выпадов против Ярослава можно думать, что летописец хотел подчеркнуть нечто особое: церкви, по-видимому, случайно не горят.

Приведённые примеры, их количество свидетельствуют об их неслучайности и, следовательно, требуют объяснения. В текстологической истории этих разноценностных обликов Ярослава мы, скорее всего, обнаружим работу двух разных летописцев, неодинаково относившихся к своему герою⁸. Но это не снимает вопроса о реальном тексте ПВЛ, сохранившем в изображении Ярослава ценностно полярные эпизоды: «последний» редактор-соавтор не мог не видеть этих противоречий и тем не менее оставил их⁹. Архетипическую основу, позволяющую сохранять (считать приемлемыми) противоречия такого рода, можно увидеть в древнейших мифологических структурах сюжетно-персонажного уровня. Исходной конструкцией является пара братьев-близнецов, один из которых воплощает «высокое» начало, а второй, его двойник, — «профанирующее», приземлённое. В греческой мифологии такой парой были Прометей и его брат Эпиметей, в германоязычной — Один и Локки, в славяноязычной — Перун и Велес (последняя пара не связана узами прямого

родства, но типологически соответствует братьям-демиургам)¹⁰. Однако в архаических мифологиях есть примеры и того, как два персонажа соединяются в одном. Так, известный в полинезийском фольклоре Мауи — одновременно и высокий культурный герой, добывающий людям необходимые для жизни предметы, вроде карело-финского Вайнямейнена, но он же — и трикстер, способный озорничать и попадать в неловкие ситуации¹¹. На славянской почве таким персонажем мог быть преследуемый громовержцем Велес/Волос, восходящий к змею, рудименты «змеиной» природы не истреблены и в основных богатых русского героического эпоса¹². Видимо, редуцируясь в своих событийно-мотивных аспектах, такие сюжеты продолжали существовать как структуры, позволяющие осваивать историческую реальность.

Вот, например, перед нами Ярослав не только строитель церквей и радатель книжного просвещения, не только «мудрый», но и «грозный», воинственный, как и его предшественники. Целый ряд кратких статей посвящён его боевым акциям:

«В лѣто 6546/1038. Ярославъ иде на ятвягы».

«В лѣто 6548/1040. Ярославъ иде на Литву».

«В лѣто 6549/1041. Иде Ярославъ на мазовьшаны, въ лодьяхъ» (С. 103).

Надо полагать, что здесь всякий раз идёт речь об успешных в военном отношении походах. Есть и иные примеры успехов Ярослава на поле боя: он выигрывает Альтскую битву, настигает и разбивает полоцкого князя Брячислава Изяславича, совершившего разбойничий набег на Новгород и «новгородцѣ вороти Новугороду» (С. 99), вместе с братом Мстиславом совершает успешный поход на «ляхов» по смерти Болеслава Великого (С. 101). Однако этим успехам предшествует немало эпизодов трусости и воинской неудачливости Ярослава. У Любеча его войско три месяца простояло в бездействии, Ярослав «съел» оскорбление киевлян, издевавшихся над его физическим увечьем (хромотой), так что новгородцам пришлось взять инициативу в свои руки и заявить князю: «Заутра перевеземъся на ня; аще кто не поидеть с нами, сами потнемъ его» (С. 96). В 1018 г., когда Ярославу пришлось оборонять Киев от Святополка и польского короля Болеслава, зеркально повторилась любечская ситуация с похвальбой: «задирает» теперь воевода Ярослава по имени Буды. Как и в фольклоре, в летописи похвальба перед боем — отрицательная характеристика. Нахвальщик непременно терпит поражение. Буды издевается над Болеславом, «глаголя: “Да то ти прободемъ трѣскою черево твое тольстое”». Летописец, не солидаризируясь с воеводой Ярослава, объясняет основу издёвок Буды: «бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могы сѣдѣти», однако летописец с уважением добавляет: «но бяше смыслень». Болеслав, в противоположность Ярославу, ведёт себя решительно: «Аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погыну». Король-толстяк «всѣдъ на конь, вбрѣде в рѣку и по немъ вои его» (С. 97), в стремительном натиске войско Болеслава форсировало Буг и опрокинуло не успевшее «исполчитися» воинство Ярослава. Не будем входить в военно-политические аспекты события, ибо нас интересует только Ярослав. О нём сказано: «убѣжа съ 4-ми мужи». Оценка, выраженная стилистически («убѣжа»), явно лишена симпатий к князю. Бежит он не в Киев, а в Новгород.

Даже Новгород не казался князю надёжным помощником в борьбе за Киев. Он собрался бежать дальше, за море к варягам, но новгородцы во главе с посадником Константином, сыном Добрыни, рассекли лады Ярослава, заявив князю: «Хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ» (С. 97). Новгородцы собрали деньги, наняли варягов и были готовы двинуться на Святополка, т.е. на Киев¹³.

Ещё более не успешен Ярослав в военном противостоянии своему младшему брату Мстиславу. Стоило Мстиславу подойти к Киеву, как Ярослав оказывается в Новгороде. Правда, летописец пишет об этом сдержанно, не входя в пояснения и оценки: «Ярославу суццю Новѣгородѣ, приде Мѣстиславъ ис Тѣмутороканя Кыеву...» (С. 99). Но и без комментариев ясно, что великому князю, когда к столице подходят враждебные силы, надлежит быть на месте и организовывать отпор. Для выступления против Мстислава Ярослав посылает за варягами, т.е. великий князь не может найти в своей державе достаточно сил для междоусобного конфликта и вынужден больше полагаться на наёмников, нежели на своих подданных. В 1024 г. Ярослав навязал Мстиславу сражение и проиграл его, бежав с поля боя вместе с предводителем варягов Якуном (С. 100). С последним связана юмористическая сцена, что нечасто встречается в летописи. О Якуне сообщается странная и незначительная для хода исторических дел подробность: «бѣ Якунъ, съ лѣтъ, и луда бѣ у него золотомъ истъкана». По ближайшему контексту непонятно, почему всегда скупой на подробности летописец отмечает золочёный плащ варяга¹⁴. Смысл упоминания золочёной луды выясняется по ходу описания листовенского разгрома Ярослава: «Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣждаемъ естъ, побѣже съ Якуномъ, княземъ варяжскимъ, и Якунъ ту отбѣже луды златоѣ» (С. 100). Насмешка лукава и живописна: щёголь-варяг бежал так, что бросил свою золотую луду. Подробность эта настолько приросла к имени Якуна, что без неё уже нельзя было вспомнить об этом варяге. Так, один из авторов Киево-Печерского патерика, Симон, упомянув о Якуне, тут же добавляет: «иже отбеже от златыа луды»¹⁵.

Таким образом, перед нами как бы два Ярослава: один — великий государь, строитель, церковный радатель и успешный воин; другой — трусоватый хромец, князь нерешительный и неудачливый, его подданным то и дело приходится брать инициативу в свои руки, побуждая его к действию. Традиция, восходящая к мифологическим повествованиям, позволяла воспринимать разноликие ипостаси персонажа в некоем нарративном единстве, ибо «такой двойственный персонаж, как культурный герой (демиург) — трикстер, сочетает в одном лице пафос упорядочивания формирующегося социума и космоса и выражение его дезорганизации и ещё не упорядоченного состояния»¹⁶.

Не всё так просто и с хромотой. Хромота персонажа имеет глубокие мифологические корни, уводящие к божеству и змею¹⁷, и указывает на особый статус персонажа: хромым был Гефест, у Эдипа была опухшая нога, Зевс хромел на время (Тифон вырезал ему две жилы на ногах¹⁸), хромым, точнее безногим, был 33 года Илья Муромец, наконец, нельзя пренебречь и хромоногостью Иакова, хотя сюжетно-мотивных совпадений этой части летописного текста с библейским нет. В некотором смысле неважно, что Ярослав был хром в действительности. На уровне

текста мифологические коннотации в связи с Ярославом состоят в том, что именно «хромец» в конечном счёте одерживает верх над внешне более сильными и амбициозными противниками (Святополком, Болеславом, печенегами).

Однако летописный текст, разумеется, не может быть сведён к мифологическому. Средневековый автор располагал дополнительными возможностями преодоления противоречий, в частности, композиционным перераспределением идеологического разнородного материала.

Полнота летописной биографии Ярослава показывает, что отношение к нему меняется от неблагоприятного до в высшей степени положительного и даже пиететного. В скандинавском источнике — «Пряди об Эймунде» — говорится, что Ярослав (Ярицлейв) «не слыл щедрым, но был хорошим правителем и властным»¹⁹. В этой саге Ярослав обрисован как князь скупой, осторожный до трусости (при этом «трусават» он не как человек, а именно как князь), искусный и коварный политик²⁰. Летописная биография Ярослава начинается с акта, который можно объяснять скупостью, — отказа платить отцу (Киеву) урочное обложение; в военных мероприятиях 1015–1016 гг., да и позже он действительно проявляет себя как полководец нерешительный и неудачливый, и тем не менее именно он одерживает верх в разгоревшейся феодальной войне после смерти Владимира и в конце концов становится полновластным правителем Руси, что, конечно, свидетельствует о его незаурядных качествах политика. Эта сторона деятельности Ярослава, видимо, редуцирована в летописи: о ней можно догадываться по перипетиям борьбы и их результатам.

Нетрудно заметить, что построение биографии Ярослава во многом следует композиционной схеме биографии Владимира. На этом стоит остановиться подробнее. В жизнеописании Ярослава можно выделить несколько периодов, но «чёрные штрихи» приходится, как и у Владимира, на первую половину жизни. Он непокорный сын, готовый на военный конфликт с отцом; он избивает новгородцев, которые восстали против наёмников-варягов, творящих насилие над новгородцами и их жёнами; он плохой полководец, и в первом, хотя и удачном, сражении со Святополком, и в войне с Болеславом. Инициатива, обеспечившая конечную победу Ярослава, принадлежит новгородцам во главе с посадником Константином; кстати, отец Константина Добрыня опекал начало деятельности Владимира. Когда Ярослав в первый раз вступает в Киев, горят церкви: штрих немаловажный с точки зрения монаха-летописца.

Перелом в отношении к Ярославу наступает после битвы на Альте, где он окончательно разбивает Святополка. После этого он усмиряет Брячислава, затеявшего междоусобье, справляется с восстанием под руководством волхвов в Суздале. Правда, в изображении его борьбы с Мстиславом опять проскальзывают неблагоприятные и иронические детали. Окончательно положительное отношение к нему утверждается, когда Ярослав становится единовластным правителем государства (по смерти Мстислава в 1036 г.). Как и Владимир после крещения, Ярослав после своего утверждения на киевском столе возводит храмы, способствует книжному просвещению, начинает заниматься оборонным строительством и предпринимает многочисленные походы на окрестные народы в целях укрепления государства²¹.

В статье 1037 г. его деятельность прямо увязывается с начинаниями Владимира, и в его адрес произносятся слова, возвышающие его не менее отца. В этой статье перед читателем рисуется во весь рост портрет первого по существу христианского правителя новой христианской державы, и летописец не скупится на щедрые похвалы, светлые и золотые тона. Позади трудные и нередко неприятные периоды жизни. Теперь Ярослав прочно утвердился на Руси и только теперь и только поэтому получил возможность осуществлять свои намерения: полнота власти, гарантирующая внутреннее спокойствие, дала ему возможность реализовать свою культурную, строительную — в обширном смысле этого слова — программу. Этот новый облик самодержца как бы перекрывает, заслоняет то негативное, что прежде было высказано в адрес князя. Статья 1037 г. выделяется стилистически, и кажется, что её писала иная рука, нежели статьи, повествующие о первой половине жизни князя. То же можно сказать и о некоторых последующих статьях, а также о вкраплениях в тексты предшествующих. Эта статья подводит некий итог деятельности Ярослава задолго до смерти (1054), но точно также задолго до смерти Владимира (1015) статья 996 г. подводит некий итог деятельности князя. Оба панегирика связаны с окончанием строительства церквей: Десятинной — Владимиром, Софийского собора — Ярославом²².

Отмеченные совпадения затруднительно объяснить только объективной действительностью: бросающаяся в глаза параллельность конструкций в целом и соответствия в подробностях наводят на мысль о специальной редакции жизнеописания Ярослава по образцу деяний его равноапостольного отца. По сравнению с чёткой двучастной структурой биографии Владимира с пограничной вехой крещения, биография Ярослава усложнена: здесь три переломных момента. Первый — битва у Любеча, позволившая Ярославу впервые занять киевский стол, второй — битва на Альте, в результате которой Ярослав избавляется от своего опасного соперника Святополка, и третий — смерть Мстислава, сделавшая Ярослава «самовластцем» всей Руси. Соответственно нарастает и положительное отношение к Ярославу.

Летописцу, автору статьи 1037 г., оценивающему Ярослава по всей совокупности его деяний, свойственно широкое историческое зрение: он способен не только различать отдельные периоды русской истории, но и видеть их взаимосвязи. Это следует всячески подчеркнуть. Князья-язычники, «отцы и деды» «налезоса трудомь своимь великым» Русскую землю, Владимир «просветил» её крещением и начал приобщение к византийской цивилизации. Перед Ярославом встала задача дальнейшего культурного подъёма державы, углубления культуры и упрочения христианской церкви, в лоне которой возрастала русская культура, а отчасти и государственность. И эту задачу он выполнил успешно. Здесь явно обнаруживается осознание летописцем исторического детерминизма, что бы ни говорилось о «допрагматичности мышления летописца», якобы различающего лишь хронологическую последовательность событий, но не способного уловить их внутреннюю взаимосвязь²³. Достаточно напомнить уже цитированные мысли историка-писателя XI или XII в. о том, как Владимир «взораль» русскую землю и «умягчилъ» её крещением, Ярослав «засеяль» сердца верных людей «книжными словесы»,

а современники летописца пожинают плоды, «ученье приемлюще книжное». Важнейший этап русской истории осмыслен в своей целостности и передан великолепным образом-символом, стягивающим деятелей векового процесса (от рубежа X–XI вв. до рубежа XI–XII вв.) на обозримом единым взглядом пространстве возделываемого поля.

В итоге можно отметить, что прежние, архаически непримирённые два облика Ярослава создавали — вряд ли намеренно — некую стереоскопичность его образа (выяснение того, какой из обликов ближе к действительности, — забота историков). Летописец-христианин рубежа XI–XII вв., не отменяя архаические способы изображения, восходящие к мифологическим структурам, преодолевает ставшие очевидными противоречия композиционными способами: распределяет «негатив» и «позитив» по разным периодам жизни персонажа, выстраивая биографию Ярослава по шаблону жизнеописания его равноапостольного отца. Таким образом, структуры мифологической архаики сохраняются в летописном тексте, адаптируясь христианским сознанием средневекового автора.

¹ В «Слове о полку Игореве»: «Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святъславличя» // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. XII век. С. 258.

² Видимо, это не только риторика, Титмар Мерзбургский описывал Киев 1018 г. следующим образом: «В том большом городе, который является столицей этого государства, имеется 400 церквей, 8 ярмарок, а людей — неведомое количество...» (*Титмар Мерзбургский. Хроника: В 8 кн. / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. М., 2005. С. 178.*)

³ Текст цитируется по изданию (далее в тексте страницы указаны в скобках): Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / Подготовка текста Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.–Л., 1950. С. 102.

⁴ Новгородская летопись приводит его имя: Волчий Хвост. (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.–Л., 1950. С. 176.

⁵ См.: *Костомаров Н.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. СПб., 1873. С. 12.

⁶ См.: *Рохлин Д. Г.* Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава Мудрого // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.–Л., 1940. Вып. 7. С. 49–56; *Гинзбург В. В.* Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингегерд // Там же. С. 57–66.

⁷ В «Слове о законе и благодати» Иларион, риторически обращаясь к Владимиру, рассказывает о деяниях его сына: «И славный град твой Киевъ величством, яко венцем, обложил, предал люди твоа и град святый, всеславнии, скорей на помць христианом Святеи Богородици, ей же и церковь на Великих вратех създа во имя первааго Господьскааго праздника — святааго Благовещения...» (Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. XI–XII века. С. 50.)

⁸ Попытки текстологического расслоения «ярославова текста» уже имели место: аргументировалась не лишённая убедительности гипотеза о том, что события 1014–1017 гг., изложенные в ПВЛ и Новгородских летописях, первоначально являли собой отдельное связанное повествование новгородского происхождения, написанное современником событий; впоследствии оно было разнесено по годовым статьям и распространено историей убиения

Святополком Бориса и Глеба. (См.: Куза А. В. Повесть о князе Ярославе и мужах новгородских // Древняя Русь и славяне. М., 1976. С. 233–239.)

⁹ Объяснение сосуществования противоречий особенностями мышления летописца, не способного увидеть их противоречия в сопряжении (см.: Ерёмин И. П. Повесть временных лет. Проблемы её историко-литературного изучения. Л., 1946), не считаем убедительными, ибо тогда надо обосновывать специфику этого мышления. Летописный текст на каждом шагу опровергает «теорию фрагментарности» И. П. Ерёмина (см.: Шайкин А. А. «Се повести временных лет...» От Кия до Мономаха. М., 1989). Дополнительные соображения по этому поводу см. в конце настоящей статьи.

¹⁰ Сходные пары в мифологии обществ, находящихся на ранних стадиях общественного развития, описаны в работе: Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 178–194.

¹¹ Рассказы-мифы о Мауи. (См.: Сказки и мифы Океании. М., 1970. №№ 210–212.) В палеоазиатском фольклоре в сходной роли выступает Ворон. (См.: Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. М., 1979.)

¹² См.: Топоров В. Н. Предыстория литературы у славян: Опыт реконструкции: Введение в курс истории славянских литератур. М., 1998. С. 73–75, 95–101 и др.

¹³ Не потому ли, что сорок лет назад, не оказав вовремя поддержки отцу Ярослава, новгородцы познакомились с властью киевских посадников, присланных Ярополком?

¹⁴ Есть иное толкование: Якун был не «леп», а «слеп», тогда «луда» — не плащ, а повязка на глазах. Однако принимаем толкование издателя ПВЛ 1950 (ПВЛ. Ч. 2. С. 371), так как оно согласуется с дальнейшим развитием этого мотива. См. также: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 292.

¹⁵ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. С. 296.

¹⁶ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. С. 188–189.

¹⁷ Ср.: «... хромоногость (в частности, беспятость), одноногость, безногость мифологического персонажа, как правило, содержит указание на генетическую соотнесённость со змеем». (Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 90.)

¹⁸ См.: Лаушкин К. Д. Баба-Яга и одноногие боги (К вопросу о происхождении образа) // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 181–186.

¹⁹ Рьдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. Материалы и исследования. М., 1978. С. 91; Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). Тексты, перевод, комментарии. М.: Ладомир, 1994. С. 107.

²⁰ Рьдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. С. 89–104; Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе... С. 104–119. Ср.: Сапунов А. П. Сказания исландских и скандинавских саг о Полоцке, князьях полоцких и р. Западной Двине // Полоцко-Витебская старина. Витебск. 1916. Вып. III. С. 1, 11.

²¹ В 1038 г. Ярослав ходил на ятвягов, в 983 г. на ятвягов и Владимир ходил.

²² См.: Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1974. С. 68–69; Он же. К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории. М., 1975. С. 151.

²³ См.: Ерёмин И. П. Повесть временных лет. Проблемы её историко-литературного изучения. Л., 1946. С. 51–57.